

МИФОЛОГЕМЫ ФИЛОСОФСКОГО СОЗНАНИЯ

В философской литературе считается хрестоматийным инкорпорировать “философское отношение к действительности” в структуру мифологических представлений о бытии. Вместе с тем, культурно-исторический генезис мировоззренческого знания “от мифа к Логосу”, практически не подвергается сколь-нибудь серьезному концептуальному анализу. Остаются вне рассмотрения те *“мыслеобразные пространства”* мифологической картины мира, внутри которых, собственно, и кристаллизуются *будущие системообразующие конструкты философского знания*. Более того, мифологическое (со)знание редуцируется к корпусу “национальных мифологий” и на этом основании: а) провозглашается архаической “прелюдией” историко-философского процесса; б) аннулируется в качестве “имманентного” элемента всякой духовно-практической стратегии смыслополагания. Ниже мы постараемся эскизно тематизировать ряд инвариантных мифологем философского знания и тем самым, хотя бы отчасти, “восстановить справедливость” в отношении мифологического ракурса постижения человеком бытия и своего присутствия в нем.

1) *Мыслеобраз(ы) диалектической противоречивости “начала” (бытия и мысли о бытии).*

Как известно, философское знание традиционно квалифицируется в качестве рефлексивного зондирования “предельных оснований су-

щего". Естественно, что тема *"начала и истока Всего"* оказывается для нее мировоззренчески релевантной. В различных философских системах выдвигаются свои претенденты на статус "первоначала" (Бог, Мировой Разум, "Я", мировая Воля, материя и др.). Однако все попытки рационально концептуализировать данный "мировоззренческий персонаж" наталкиваются на колоссальные затруднения смыслового и вербального плана. Мысль погружается в "бездны умозрительной зауми". Разум (по)падает в трясину антиномий. "Не хватает слов" для схватывания ускользающего Смысла. Философствующий субъект оказывается перед лицом многоликого "Хаоса". Но ведь "Хаос" и является главным действующим лицом именно мифологического взгляда на мир. Он есть *вне(над и не)бытийное образование*, символизирующее собой "пустоту, обремененную бесконечными (творческими) "возможностями". Одним из (вечных) самопорождений Хаоса провозглашается Космос как "территория" всего бытийно сбывшегося "во времени", обретшего феноменальное "воплощение" и социально-историческую размерность. Коррида Космоса и Хаоса "внутри (человеческого) Космоса", становится фундаментальной "оптической призмой" мифологического сознания, предопределяя всю его причудливую "логику бинарных оппозиций" и коррелятивного им архетипа "близнецов". В этой связи философские дилеммы Единого и многого; человека и Бога; имманентного и трансцендентного; временного и вечного; конечного и бесконечного; своего и иного; бытийно осуществленного и не(до)воплощенного ведут свою содержательную родословную из этого мыслеобразного истока. А "тотемистическая" парадигма развертывания Космоса из Хаоса мировоззренчески имплицитно охватывает целый спектр философских версий о диалектике биологического и социального, эротизированных влечений и угрызений совести, глобальном волюнтаризме техногенных экспансий и этике "благоговения перед жизнью".

2) Мыслеобраз(ы) "первочеловека" и "первособытия" Творения.

В подавляющем большинстве национальных мифологий бытует сюжет о так называемом "первочеловеке", который в силу своей уникальной бытийной единственности "однажды" пожертвовал собой, а точнее, сотворил из своего преданного на самозаклание "тела" многообразие природных реальностей и культурных артефактов. Мифологическая традиция настойчиво воспроизводит этот жертвенный акт в контексте "праздничных торжеств подле мирового древа" (метафора пространственно-временного и событийного "центра-начала"). Здесь каждый человек, предписанно нарушая свое табуированное поведение, регрессирует в "докультурное" (хаосное) состояние, чтобы затем, стоичес-

ки-индивидуально, восстановить “человеческое” измерение собственного существования.

Архетип подобного аутодофе приобрел в культуре статус герменевтической матрицы становления человека Человеком. Сама же идея человека-творца была мультиплицирована в символических (об)ликах “правителя”, “поэта” и “шамана”(“знахаря”). Впоследствии она нарастила свой пантеон “культурных героев” за счет включения в него “мудрецов” и “праведников”. Наконец, Гегель дополнил этот экзистенциальный ряд ипостасями абсолютного духа в лице “художников” и “философов”. Все они предрасположены и способны трансцендировать (интеллектуально, эстетически и нравственно) к “хаосам Иного”. Им актуально присуща бытийная инициатива ответственного “впервые-начинания” (Космоса, Бытия, Смысла, Поступка, Человечности); мужество противостояния абсурду, тираниям тоталитарности и обезличенности. Философствовать в таком случае – это бороться за Смысл как за “событие бытия”, отстаивать право на инакомыслие, выводить человеческое сознание “на границы” всех прежних (не)пониманий бытия, пестовать Слово как одно из основоположений сущего, хаотизировать авторитарность самодовольства критическими репликами сомнения.